

Глава 1

Парадокс

Я начал задумываться о биологических основах пацифизма несколько десятков лет назад, когда жил в глухом уголке Демократической Республики Конго. Позже в Конго произойдет много страшных событий, но тогда, в 1980 году, когда наше с Элизабет Росс девятимесячное свадебное путешествие в лесу Итури только начиналось, все было спокойно.

Вместе с еще одной парой мы составляли исследовательскую группу. Нашей задачей было документировать жизнь сообществ, обитавших по соседству друг с другом: земледельцев лезе и охотников-собирателей эфе. Маленькие деревушки земледельцев лезе были разбросаны по всей широкой долине Итури, некоторые в двух днях пути друг от друга. Пигмеи эфе жили в той же долине. В голодные времена они селились на окраине какой-нибудь дружественной деревни, и женщины эфе работали в огородах лезе в обмен на кассаву, бананы или рис.

Мы жили в глиняной хижине, под крышей из пальмовых листьев, на отдельной полянке возле одной из деревень лезе. Мы не говорили на их основном языке, килезе, но нашего знания кингвана, одной из версий суахили, было достаточно для непринужденного общения. Люди Итури почти ничего не знали о внешнем мире. Их экономика была в основном бартерной. Ядерные бомбы, газировка, электричество — ничего этого в их мире не существовало.

Жилые помещения и эфе, и лезе были тесными и темными и в течение дня почти не использовались. Поэтому вся жизнь от рассвета до заката происходила на открытом воздухе, что для нас означало возможность целыми днями беспрепятственно наблюдать за их поведением. Мы ходили за ними по пятам, смотрели и слушали. Мы делили с ними пищу и участвовали в их занятиях. Как биолог, изучавший до этого поведение шимпанзе и наблюдавший их буйную агрессию по отношению друг к другу, я и здесь был готов к тому, что люди будут поминутно пускать в ход кулаки или хвататься за лук со стрелами. Я вырос в сонной британской провинции, где даже разговор на повышенных тонах был редкостью, не говоря уже о драке в общественном месте, и мне хотелось посмотреть, будет ли агрессия более выражена в этой глухой конголезской деревне.

Мы видели самые разные социальные взаимодействия, и это было замечательно. Однако в плане агрессии не происходило почти ничего интересного. Даже когда несколько десятков человек делили мясо убитого слона, все ограничивалось тем, что время от времени кто-то повышал голос. Однажды я встретил трех мужчин в набедренных повязках и в боевом облачении, направлявшихся в деревню, где жил старейшина. Они услышали, что их сестры-подростки оказались на празднике у родственников старейшины, и теперь спешили помешать разврату. Им удалось вызволить сестер без применения силы. Однажды нам рассказали про мужчину эфе, ударившего жену горящим бревном. Наверняка были еще какие-то случаи, скрытые за глиняными стенами хижин и пересудами. Но мы ни разу не видели телесных повреждений, которые не были бы вызваны несчастным случаем или болезнью.

Жизнь наших итурских товарищей была невероятно тяжелой. Питались они тем, что удавалось вырастить, убить или найти в неплодородном лесу. Их постоянно преследовали голод, нищета, физический дискомфорт и неизлечимые болезни, притом что доступа к современной медицине

у них практически не было. Культурные обычаи, казалось, делали их жизнь только тяжелее. Девочкам грубо скалывали края зубов — это считалось красивым. О бабушках и дедушках говорили, что они были каннибалами. На наших консервных банках с тушенкой были картинки с улыбающимися людьми, и лезе дразнили нас, говоря, что европейцы, которые едят тушенку, тоже каннибалы. На похоронах разгорались споры о ценности умершего: достаточно ли детей родила женщина, чтобы окупить свадебный выкуп из семи куриц? Даже самые простые неудачи они объясняли колдовством — вечным источником иррационального страха. Во многих отношениях Итури казалось местом, где можно ожидать чего угодно¹.

Однако если отвлечься от всех жизненных трудностей и безумных суеверий, по своей базовой психологии лезе и эфе были, в сущности, совершенно обыкновенными людьми. Нелепые предрассудки, бедность и странные медицинские практики принимали разные формы в деревнях Англии и Конго, но они существовали и там, и там. По большому счету люди Итури были удивительно похожи на сельских жителей моей родной Англии: они любили своих детей, ссорились из-за возлюбленных, сплетничали, искали союзников, боролись за власть, обменивались новостями, не доверяли чужакам, устраивали праздники, уважали ритуалы, жаловались на жизнь — и очень, очень редко вступали в драки.

Конечно, уровень насилия может меняться в зависимости от социального контекста. В Конго тогда было центральное правительство, и хотя люди Итури от него почти не зависели, они все же не были полностью изолированы. Может быть, миролюбивость лезе и эфе стала следствием облагораживающего влияния цивилизации, исходившего из далекой столицы Киншасы? Ведь была, например, полиция. Полицейскими в основном были мужчины, приходившиеся родственниками местным старостам. Они использовали свое положение не столько чтобы охранять закон, сколько чтобы эксплуатировать деревенских жителей.

В тех редких случаях, когда они совершали обход местности, происходило это так. В деревню являлись несколько полицейских, прошагавших до этого несколько часов пешком. Еды у них с собой никогда не было. Придравшись к какой-нибудь мелочи, они забирали у несчастного хозяина курицу в счет штрафа, той же ночью ее съедали и потом оставались жить до тех пор, пока у хозяина не кончалась еда. Такая повседневная коррупция, конечно, вызывала негодование у жителей, так что уважением полиция не пользовалась. И тем не менее можно предположить, что редкое присутствие полиции, связанной с государственным аппаратом, как-то сдерживало спонтанные проявления агрессии. Иными словами, что влияние современного общества снизило уровень агрессии у людей Итури.

Чтобы понять, сохраняется ли такая же кротость нравов в группах, по-настоящему независимых от каких бы то ни было правительственных органов, нужно найти сообщество, в котором нет ни полиции, ни армии, ни каких-то иных наделенных властью институтов принуждения.

Новая Гвинея — одно из немногих мест на земле, где сохранились небольшие сообщества, живущие в состоянии настоящей политической анархии и свободные от какого бы то ни было вмешательства со стороны государства. Такие культуры особенно интересны потому, что позволяют увидеть, как ведут себя люди, находящиеся под постоянной угрозой нападения соседних групп.

Антрополог Карл Хайдер посетил одно из таких сообществ. В марте 1961 года он на маленьком самолетике вылетел с северного побережья Новой Гвинеи, поднялся в воздух над внутренней частью острова, долетел до высокого горного хребта, нашел свободный от облаков перевал и увидел зеленую, широко раскинувшуюся Великую долину реки Ба-лием. Этот затерянный мир еще в 1944 году открыли американские солдаты, совершившие здесь вынужденную посадку.

Обнаружив в долине пятьдесят тысяч земледельцев дани, живущих как будто в каменном веке, они наивно назвали местность Шангри-Ла — в честь вымышленной долины, которую Джеймс Хилтон описал в своем романе-утопии 1933 года “Потерянный горизонт”. Однако кажущаяся безмятежность плодородной страны дани была обманчива. Это был вовсе не рай. Это был театр военных действий².

Частота убийств в племени дани оказалась одной из самых высоких в мире. Время от времени Хайдер видел, как небольшие группки мужчин собирались, чтобы устроить налет, напав из засады на ничего не подозревающую жертву. Иногда происходили сражения, и часто небольшие стычки на нейтральной территории между деревнями перерастали в настоящий хаос, унося до 125 жизней за раз. Чтобы почтить павших воинов, у девочек, которым зачастую было не больше трех лет, отрезали палец, ведя таким образом зловещий подсчет погибших. Женщин, у которых были бы целы все пальцы, среди дани почти не было. Как показали данные, которые собрал Хайдер, если бы весь остальной мир жил подобно дани, то уровень смертности в результате военных действий, составивший в XX веке жуткие 100 миллионов, вырос бы до совсем уж невообразимых двух миллиардов³.

Тем не менее в качестве подзаголовка своей книги о дани Хайдер выбрал словосочетание “Мирные воины”, подчеркивающее важнейший парадокс человечества. Эпизоды кровопролития чередовались у дани с периодами спокойной повседневной жизни, и в эти периоды “Шангри-Ла” и правда было подходящим названием для Великой долины. Дани вели типичный для земледельцев размеренный образ жизни, выращивая свиней и корнеплоды. По словам Хайдера, они обладали сдержанным характером, мягкими манерами и редко злились. Это были миролюбивые, отзывчивые люди, и их жизнь была основана на взаимной зависимости и поддержке. В хижинах дани всегда текла неспешная беседа, прерываемая песнями и смехом. Их повседневное общение отличали сдержанность и уважение друг к другу. В периоды между войнами

дани были во многих отношениях самыми обыкновенными деревенскими жителями, ведущими спокойную и полностью лишенную агрессии жизнь⁴.

Образ жизни дани, при котором мир внутри отдельных групп сочетался с уничтожением чужаков, оказался типичным для отдаленных горных районов Новой Гвинеи. Другая группа Новой Гвинеи, бактамань, обитала в верховьях реки Флай. Все члены сообщества бактаманов жестко, часто с применением насилия, пресекали нарушение их границ. Территориальные конфликты были настолько ожесточенными, что на их долю приходилась треть всех смертей в сообществе. Однако в самих деревнях насилие строго контролировалось, и “убийство считалось немыслимым”⁵. Такая же картина наблюдалась и в бассейне реки Тагари, на востоке центральной части Папуа — Новой Гвинеи, где племя хули держало в страхе своих соседей, но не применяло насилия в своих деревнях⁶. Позже, с появлением миссионеров и государственной власти, жизнь всех этих новогвинейских племен стала стремительно меняться. Однако, прежде чем в их жизнь вмешалось правительство, эти племена успели пролить свет на нечто очень важное: даже люди, живущие в состоянии непрекращающейся войны, проводят четкую границу между “миром дома” и “войной вне дома”.

На свете есть всего несколько мест, где, как в Новой Гвинее, еще остались независимые от государства сообщества. Антрополог Наполеон Шаньон в течение 30 лет, с середины 1960-х годов, изучал изолированную популяцию людей яномамо в Венесуэле⁷. Там он обнаружил такой же резкий контраст. Несмотря на высокую частоту убийств во время конфликтов между деревнями, внутри деревень — хотя людей яномамо Шаньон описывал как “буйных” — семьи жили “очень безмятежно”, а вспышки агрессии в основном удавалось свести к церемониальным поединкам⁸.

Антропологи Ким Хилл и Магдалена Уртадо изучали межгрупповые конфликты среди охотников-собирателей аче в Парагвае вскоре после того, как одну из групп аче пе-

реселили в правительственную резервацию. Аче рассказывали, что раньше при виде чужаков они хватали лук и стрелы и стреляли без предупреждения. Все это было причиной высокой смертности. Однако за семнадцать лет наблюдений, в ходе которых Хилл и Уртадо часто проводили по нескольку недель в лесу, не упуская группу из виду, не произошло ни одной драки⁹.

Ранее, в эпоху Великих географических открытий, европейские первооткрыватели сталкивались с аборигенными народами в разных частях света, включая обе Америки. Марк Лескарбо, адвокат, писатель и поэт, был одним из первопроходцев. В 1606–1607 годах он целый год прожил с индейцами микмак в Восточной Канаде. Он открыто писал об их так называемых пороках — чревоугодии, каннибализме, жестокости к пленникам, — но столь же честно описывал и их достоинства. Среди микмаков почти не случалось драк, писал он. “Что касается правосудия, у них нет никаких законов... кроме данного им Природой — не грешить против своих ближних. И ссоры среди них происходят очень редко”. Наблюдения Лескарбо оказали большое влияние на общественное сознание: в Англии XIX века стало популярным представление о “благородном дикаре”, олицетворяющем врожденную добродетель. Сегодня образ благородного дикаря часто связывают с Руссо, но сам Руссо никогда не употреблял этого выражения и в целом был далеко не так снисходителен к человечеству, как принято считать. Напротив, если верить истории развития концепции благородного дикаря, изложенной специалистом по музыкальной этнографии Тером Эллингсоном, представления Руссо о человеческой природе были настолько циничны, что сегодня его вряд ли отнесли бы к “руссоистам”!¹⁰

Лескарбо был не единственным, кого впечатлила миролюбивая жизнь внутри аборигенных сообществ. К концу XVII века, как писал Жильбер Шинар, “сотни путешественников упоминали добродетельность примитивных народов”. Вся эта “добродетельность”, однако, распространялась только

на людей из того же сообщества¹¹. В 1929 году антрополог Морис Дэви привел следующее обобщенное описание жизни аборигенов, остающееся верным и сегодня: насколько они добры к членам своего сообщества, настолько жестоки они ко всем остальным.

Есть две системы морали, два набора нравственных норм, один для товарищей внутри группы, а другой для чужаков из других групп, и оба набора основаны на одних и тех же интересах. В отношениях с чужаками считается похвальным убивать, грабить, осуществлять кровную месть и красть женщин и рабов, но внутри своей группы ни одно из этих действий не разрешено, потому что они привели бы к разногласиям и ослабили бы всю группу. У сиу мужчина должен убить человека, чтобы стать воином, а у даяков — чтобы жениться. Однако, как писал Тайлор, “между собой сиу считают убийство преступлением, если только это не кровная месть, а у даяков убийство подлежит наказанию... Убийство врага в открытом бою считается праведным поступком. Более того, в основе многовековых законов лежит принцип, что убийство члена своего собственного рода и убийство чужака — это преступления совершенно разного порядка”¹².

Контраст между тем, как люди ведут себя на войне и дома, хорошо знаком солдатам в индустриальных странах. Гражданская война в Испании 1936 года была, как и любая война, чудовищной. Джордж Оруэлл участвовал в ней добровольцем и по выходным наблюдал ужасы передовой, а в рабочие дни возвращался домой к жене. Смена атмосферы была “резкой и ошеломляющей”. В Барселоне, которую от кровавой бойни отделяли всего несколько остановок на поезде, “улицы заполняли толстые мужчины, имеющие вид преуспевающих дельцов, элегантные женщины и роскошные автомобили”. В Таррагоне “жизнь модного приморского курорта продолжалась почти без изменений”¹³.

В лесу Итури, в высокогорьях Новой Гвинеи — повсюду в мире наблюдается одна и та же картина. Независимо от того, участвуют ли люди во внешних войнах, у себя дома они остаются необычайно миролюбивыми. Судя по всему, то, что я наблюдал в Конго, типично для нашего вида в целом.

С точки зрения сравнительного анализа уровень физической агрессии, которую человек проявляет “у себя дома”, довольно низок. Однако с точки зрения морали он все равно выше, чем хотелось бы большинству из нас. Специалист по эволюционной психологии Стивен Пинкер наряду с другими учеными показал, что за последнюю тысячу лет вероятность умереть насильственной смертью во многих странах снизилась. Мы все должны быть благодарны за эту тенденцию. Несомненно, жизнь миллионов людей станет гораздо приятнее, если уровень насилия продолжит падать¹⁴.

Но с эволюционной точки зрения уровень физической агрессии в человеческом обществе уже сейчас на удивление низок. Пример шимпанзе, одного из двух ближайших родственников человека, позволяет ясно увидеть это в сравнении. Шимпанзе совсем не похожи на людей. Проведя день с шимпанзе, вы наверняка увидите, как одни животные гоняют других, и услышите испуганные крики. Пробыв с ними месяц, вы с большой вероятностью заметите кровь и раны. Вместе с приматологами Мартином Мюллером и Майклом Уилсоном мы сравнивали обычную группу шимпанзе и крайне неблагополучную популяцию австралийских аборигенов, которые только недавно перестали вести образ жизни охотников-собирателей. В группе австралийских аборигенов наблюдался высочайший уровень физической агрессии, вызванный, судя по всему, социальной разобщенностью и алкоголизмом. Однако даже при сравнении с настолько проблемной группой людей шимпанзе оказались в сотни, если не в тысячи раз агрессивнее. Разница в частоте физической агрессии среди людей и шимпанзе колоссальна¹⁵.

Еще один наш ближайший родственник — это бонобо. Внешне похожие на шимпанзе, по сравнению с ними бонобо считаются, и не без оснований, очень миролюбивыми. Однако и они не лишены агрессии. Как показало недавнее долгосрочное полевое исследование, свободноживущие самцы бонобо примерно в два раза менее агрессивны, чем самцы шимпанзе, но зато самки бонобо более агрессивны, чем самки шимпанзе. Так что, хотя самцы бонобо и менее склонны к насилию, чем самцы шимпанзе, уровень агрессии у обоих видов все равно выше, чем у человека. В среднем частота физической агрессии среди людей составляет менее одного процента от частоты агрессии у любого из наших ближайших человекообразных родственников. В этом отношении мы и правда исключительно миролюбивые животные¹⁶.